

Николай Федорович ПОГОДИН

Советская литература понесла тяжёлую утрату.

19 сентября в возрасте 62 лет скончался выдающийся советский драматург, автор многих пьес и киносценариев, навсегда вошедших в историю советской драматической литературы, Николай Федорович Погодин.

Имя Николая Погодина неразрывно связано с творческими исканиями и победами советского театра и кино на протяжении более чем 30 лет. Начав свой литературный путь еще юношей в газетах города Ростова-на-Дону, Н. Ф. Погодин становится потом активным сотрудником «Правды», на страницах которой в начале тридцатых годов часто печатались его яркие очерки с фронтов первой пятилетки. Огромный жизненный материал, собранный в эти годы Погодиным, лег затем в основу его ранних пьес: «Темп», «Поэма о топоре», «После бала», «Мой друг» и др. Появление этих пьес было выдающимся событием в жизни советского театра и оказало заметное влияние на развитие драматургии социалистического реализма. В них впервые на сценические подмостки вышли рабочие, колхозники, командиры социалистической индустрии, те, кто строил первые советские заводы и первые колхозы, с оружием в руках охранял рубежи социалистической Отчизны.

Художник, остро чувствующий пульс времени, всем сердцем связанный с жизнью, Николай Погодин и в последующие годы не раз смело выходил на новые творческие рубежи, открывая своими боевыми, насыщенными богатым жизненным содержанием пьесами новые творческие горизонты перед мастерами сцены и кинематографа.

Особенно велики заслуги Н. Ф. Погодина в создании драматургического портрета Владимира Ильича Ленина. Им была написана одна из первых пьес о Ленине — «Человек с ружьем», появившаяся на сцене в 1937 году и с тех пор с триумфом обошедшая сотни театров не только у нас в стране, но и за ее рубежами. Еще с большей силой и глубиной образ Ленина был запечатлен Погодиным в последующие годы в пьесах «Кремлевские куранты» и «Третья патетическая». В этих пьесах нашла вдохновенное выражение горячая любовь советских людей к Ленину, проникновенно отражены многие грани ленинского образа.

Творческая деятельность Николая

исключительно щедрым, богатым. Блестящий мастер диалога, смелый новатор, всегда искавший для выражения новых жизненных образов и конфликтов наилучшие драматургические решения, Погодин оставил целую галерею характеров, точно выразивших породившее их время, создал пьесы и сценарии, в которых ярко воплотился революционный дух нашей литературы.

Николай Федорович Погодин был человеком яркого общественного темперамента, активным участником творческих споров и дискуссий о путях развития советской драматургии и театра. Он пользовался огромным уважением со стороны своих товарищей по перу, деятелей советского театра и кино, читателей и зрителей. На протяжении многих лет он был членом правления Союза писателей СССР и членом правления Союза писателей РСФСР, главным редактором журнала «Театр», членом редколлегии «Литературной газеты», членом Комитета по Ленинским премиям.

Его пьесы были переведены на языки всех народов Советского Союза и не раз издавались и ставились в социалистических странах.

Замечательный вклад, внесенный Н. Ф. Погодиным в сокровищницу советской литературы, не раз был высоко оценен партией и правительством. Писатель был награжден двумя орденами Ленина, являлся лауреатом Государственных премий. В 1959 году за драматическую трилогию о Ленине он был удостоен высокого звания лауреата Ленинской премии.

В эти дни у гроба Погодина в глубокой скорби склоняются товарищи по перу, его многочисленные читатели и зрители. Пройдут годы, новыми победами обогатится славная летопись нашей литературы, но память о пьесах и киносценариях Погодина не изгладится никогда. Жизненный путь Погодина окончен. Творческий путь его драматургии на сценах театров и на экранах кино будет продолжаться еще многие и многие десятилетия.

Дарование Николая Погодина было

**ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РСФСР
ПРАВЛЕНИЕ МОСКОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
КОМИТЕТ ПО ЛЕНИНСКИМ ПРЕМИЯМ В ОБЛАСТИ
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
РЕДКОЛЛЕГИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»
РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ТЕАТР»**

НЕПОВТОРИМОЕ, ПОГОДИНСКОЕ...

Когда ему исполнилось 60 лет, а это было совсем недавно, меньше двух лет тому назад, он стоял, чуть смущенный, чуть раздраженный на просценнуме Театра имени Ленинского комсомола, стоял залитый светом юпитеров, повернув плечо к публике, прижав подбородок к шее так, что взгляд упирался в пол. Обычная его поза, в которой была и ироничность, и смущенность, а может быть и просто утомление резким светом, или просто привычка прятать от людей свою подслеповатость. И вдруг, моргая ресницами и прикрывшись от света ладонью, он приподнял голову и взгляделся в зал, где сидели любившие его люди, и все увидели его взгляд, его глаза — светлые, голубые, наивные.

И он, глядя в зал, близоруко в зал, досадливо повернувшись спиной к кинохронике, снимавшей его, заговорил, по-погодиински не заботясь о плавности и логичности, заговорил о главном: о месте художника в жизни, в обществе. Он говорил, смущаясь и раздражаясь, и в его речи было то острое, мучительное для него самого, ироничное, колющее, беспощадное, то неуловимо присутствующее только ему, что так отличало все, что он писал, — была ли это драма, очерк или публицистическая статья, или просто мысли о том, как надо и как не надо сочинять пьесы.

У Погодина был свой язык — сценический, разговорный, литературный, недоступный подражателю, — и своя, погодинская ирония, и детскость, свойственная только ему, колкость, скрывававшая нежность, ироничность, за которой могла быть и душевная большая боль, и восторг перед вдруг открывшимися ему далами, и изумление перед человеком. По-детски увлекался людьми, книгами, даже лекарствами. И требовал, чтобы все находящиеся рядом также увлекались тем, чем увлекался он...

Я всегда ощущал погодинскую неповторимость, всегда все снова и снова открывал его личность и его талант: в его пьесах, удачных или неудачных, в его публичных выступлениях, удачных или неудачных, в застольных беседах или в разговорах один на один. И я всегда чувствовал, как мучительно он думает, как ему бесценно дорого искусство и современники, и как он хочет сказать о них по-новому, и как он все-

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

С именем Николая Федоровича связан самый дорогой для нас образ, так человечно воссозданный им в его прославленной трилогии. Надо быть большим художником, гражданином, чтобы так понять, так пронести в своем творчестве ленинскую тему.

Для меня, как для исполнителя образа Владимира Ильича на сцене Московского Художественного театра, встреча с Николаем Федоровичем, общение с ним стали решающим творческим этапом моей жизни. К горечи утраты примешивается скорбь по поводу того, что уже не придется работать над образом Эйнштейна в последней пьесе Погодина, которую он отдал МХАТу и которая осталась незавершенной.

Светлая память о Погодине будет вечно жить в советском театре. Погодинские образы — это живые люди, пришедшие на сцену. Его драматургия сформировала целую плеяду актеров. Многие обязаны ему своей творческой судьбой.

Борис СМЕРНОВ

гда нищет это новое, и как торжествует, когда видит это новое — в жизни, в искусстве, в литературе.

...Каждого, кто любит литературу, театр, искусство, весть о смерти Погодина тяжело ранит. Тех, кто знал Погодина, она ранит в самое сердце.

Потерю оценить трудно, невозможно. Ушел один из зачинателей нашей драматургии. Уходили один за другим Тренев, Афиногенов, Вишневский, Ромашов, Лавренев.

Теперь — Погодин. Поэт первых лет пятилетки и поэт Ленина.

Никто из драматургов так не писал о Ленине, как он.

И никто так не писал о пятилетках, как он.

И никто так не понимал театр, его природу, как он.

Ворвался на сцену, ломая исконные драматургические каноны, ведя за собой людей тридцатых годов, кровью сердца заложивших основы индустриализации...

И написал Ленина, смело, художнически, стремясь не проиллюстрировать — понять, раскрыть, открыть...

Да, он был неутомимым тружеником, не только — талантом.

Обижался, когда кто-то говорил о его мрачности, нелюдимости. Я не злой, повторял он, я близорукий, я плохо вижу.

Но он видел хорошо, остро, далеко и — вперед.

Александр ШТЕИН

ДРУГ

Друг мой, чудесный художник, добрый, умный, отзывчивый и такой бесконечно смелый в искусстве, неужели нет тебя на свете?

Для меня были так радостны, так наполнены творчеством каждый час, каждый день, когда я общался с тобой, слышал твой заразительный смех или столь же заразительные вспышки гнева — ведь ты так все живо воспринимал.

Помню каждый день работы над твоей славной комедией «Аристократы», которая не сходит со сцены почти три десятка лет. Помню, потому что это была первая встреча с тобой и потому что этой пьесе уже скоро тридцать лет.

Как щедро одарил ты пьесами театры. Как бы пронести через всю жизнь и передать людям твою страстность к живым событиям, к живому человеку, серьезность и юмор, безмерную фантазию твою и знание жизни!

Вечная память тебе, дорогой художник, удивительный мастер, тонкий психолог, человек огромнейшей души. Низкий поклон тебе от всех маяковцев. Как хорошо они помнят первые встречи с тобой, которые еще в самом начале 30-х годов принесли театру острое чувство современности.

Мы будем всегда хранить память о тебе. Каждая твоя пьеса была большим этапом нашей жизни. Вот и сейчас театр выпускает новую постановку твоей пьесы «Голубая рапсодия». Но мы уже не увидим тебя в первом ряду партера, где ты обычно сидел, не увидим твоей улыбки, твоего радужия, твоей непримиримости к недостаткам. Ну просто не верится, что тебя нет!

Мы всегда будем помнить тебя.
Николай ОХЛОПКОВ

Большой русский художник

Умер Погодин... Эти слова горькой болью отзываются в сердцах всех украинских писателей, особенно драматургов, большинство которых многим обязаны этому замечательному писателю и человеку.

Погодин — драматург удивительный, талант его был, как говорят, «милостью божьей», там, где иному автору надо было писать целое действие, он писал несколько реплик, и перед зрителем сразу вырастал ясный и отточенный образ. Замечательный знаток, маг и чародей русского языка, он владел им, как скульптор владеет глиной. — выразительно, уверенно, плавно. И язык покорялся ему послушно, выказывая все свои нюансы и краски.

Его великая трилогия о Ленине — одно из высших достижений нашей советской драматургии. Начиная с «Поэмы о топоре», шел Погодин в первых рядах наших драматургов. Для нас, украинцев, он был особенно близок и дорог, потому что все молодые драматурги Украины чувствовали его помощь, видели в нем настоящего, верного и надежного друга.

Пьесы Погодина шли во всех без исключения театрах Украины. Его смерть — огромная потеря для всего украинского искусства. Украина никогда не забудет великого русского драматурга, так много сделавшего для развития всего советского искусства.

Вадим СОВКО
КИЕВ. (По телефону)

Правления союзом писателей СССР, РСФСР и московской писательской организации с глубоким прискорбием сообщают о смерти выдающегося советского драматурга, лауреата Ленинской премии, лауреата Государственных премий, члена правления Союза писателей СССР, заслуженного деятеля искусств РСФСР

ПОГОДИНА Николая Федоровича, последовавшей 19 сентября после тяжелой болезни, и выражают соболезнование семье покойного.

Справки по телефонам: Д 2-12-81, Д 2-21-46, Д 2-08-95.

Редакционная коллегия и коллектив «Литературной газеты» глубоко скорбят по поводу безвременной кончины выдающегося советского драматурга, лауреата Ленинской и Государственных премий, члена редакционной коллегии «Литературной газеты»

ПОГОДИНА Николая Федоровича и выражают соболезнование семье покойного.